

Д. С. ЛИХАЧЕВ

Галицкая литературная традиция в житии Александра Невского

Изучение литературной традиции в житии Александра Невского значительно затруднено тем обстоятельством, что история текста жития недостаточно прояснена. Исследование редакций жития Александра Невского только началось и не имеет еще сколько-нибудь прочных общих решений.

Крупный труд В. Мансикки „Житие Александра Невского. Разбор редакций и текста“ (СПб., 1913) имеет существенные недостатки. Несмотря на всю тщательность и добросовестность произведенной в нем работы, две неверные методологические установки свели на-нет многие из выводов этого труда. Во-первых, рассматривая летописные редакции жития, В. Мансикка объединяет их историю с историей тех летописных сводов, в которые они заключены. История летописных редакций для него лишь частный случай истории летописания. История же летописания всецело подчиняется им схеме, предложенной А. А. Шахматовым; при этом В. Мансикка не отделяет твердых достижений исследования А. А. Шахматова от некоторых его шатких гипотез. Во-вторых, В. Мансикка по большей части исходит из предположения, что чем моложе список или летописный свод, тем моложе и заключенная в них редакция жития. Обе эти предпосылки, неверные по существу, в особенности оказались ошибочными при применении к житию Александра Невского, в истории редакций которого древние версии жития неожиданно оказывались в поздних летописных сводах и в поздних списках.

Вместе с тем, следует заметить, что хотя история летописания должна приниматься во внимание во всех случаях, когда исследуются произведения, вошедшие в состав летописей, однако, поскольку литературные памятники, включаемые в летопись, имели не только летописную, но и внелетописную письменную традицию, — изучения состава свода, приемов переработки летописцем своего материала недостаточно для объяснения всех их особенностей. Как известно, русские летописцы никогда не ограничивали своей компилятивной работы только летописными материалами. Летописцы могли привлекать для своего труда и внелетописные редакции жития, естественно предпочитая старшие списки более новым.

Вследствие неверных методологических предпосылок в работе В. Мансикки оказалась явно неправильно освещенной редакция жития в Софийской первой летописи. В. Мансикка рассматривал текст жития

Александра Невского из Софийской первой летописи исключительно в рамках летописной традиции и причислял его к вариантам редакции новгородского свода 1448 г.¹ Все особенности редакции Софийской первой, как, например, обширное заглавие, сравнение с „царем Алевхысом“ и пр., В. Мансикка считает изделием самого составителя списка „Софийской первой летописи“,² хотя и отозвался в неопределенных выражениях о древности многих чтений Софийской первой летописи. Составитель Софийской первой летописи, говорит он, „дорожит выражениями жития“,³ „не пренебрегает выражениями жития“,⁴ включает „черты из списков старого типа“.⁵ Между тем редакцию жития Софийской первой следует явно объединять с так называемой „новой редакцией“ (в списках собрания Уварова № 514, л. 289, и Рукописного отделения БАН № 13. 4. 18). Близость⁶ эта не укрылась и от наблюдений В. Мансикки. Считая, однако, на основании внешней истории летописных сводов и по датировке списков, „новую редакцию“ сравнительно поздней, В. Мансикка предположил, что составитель „новой редакции“ жития пользовался житием Софийской первой летописи. Между тем многие из древнейших черт „новой редакции“ (древность их нащупывалась самим В. Мансиккой и была подтверждена наблюдениями Н. Серебрянского⁷) не находят себе параллелей в Софийской первой, а древние чтения Софийской первой не находят себе параллелей в „новой редакции“. Поэтому вероятнее предположить, что и редакция Софийской первой летописи и „новая редакция“ имеют какую-то более сложную историю, восходя (обе самостоятельно) к древнейшей редакции жития. Слепое следование схеме А. А. Шахматова не позволило, однако, В. Мансикке объединить версии жития Александра Невского в Софийской первой и в „новой редакции“ в одну группу и увидеть в ней остатки древнейшей редакции.

Не ясны также соотношения редакций жития Лаврентьевской летописи и Псковской второй. Исходя из соображений бóльшей древности Лаврентьевского списка, В. Мансикка находил Лаврентьевскую редакцию более старой. Между тем, как уже отметил Н. Серебрянский,⁸ нет оснований считать текст жития в Псковской второй летописи более поздним, чем в Лаврентьевской. Отметим попутно, что изучение Лаврентьевского списка М. Д. Приселковым нисколько не подвинуло разрешения вопроса о том, когда была составлена редакция, включенная в Лаврентьевскую летопись. Не считаясь с явными указаниями текста летописи на то, что мы имеем дело со вставкой жития,⁹ М. Д. Приселков предполагал, что житие Александра Невского было включено

¹ В работе „Киевский Начальный свод 1095 года“ (Архив АН СССР, фонд 134, оп. 1, № 227) А. А. Шахматов отказался от датировки Новгородско-Софийского свода 1448-м годом под влиянием разъяснений А. В. Маркова. (см. сб. „А. А. Шахматов“, Л., 1947, стр. 135).

² В. Мансикка. Житие Александра Невского, 1913, стр. 69.

³ Там же, стр. 72.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 73.

⁶ Близок к ним и текст жития в сборнике Н. П. Лихачева XV в. Издан у В. Мансикки, стр. 126—137.

⁷ Н. Серебрянский. Древне-русские княжеские жития (обзор редакций и тексты), М., 1915, стр. 195 и сл.

⁸ Там же, стр. 176.

⁹ Первоначальный летописный текст заключал, повидимому, только известие о смерти Александра, житие же вставлено позднее. См. в Лавр. под 1263 г.: „Того же лета. Преставися великий князь Олександр сын Ярославль. Скажем же мужство и житие его. О Господе нашем Иисусе Христе аз худый, грешный, недостойный начинаю писати житие великого князя Олександра...“

в летопись одновременно с составлением основного текста вскоре после смерти Александра (свод 1263 г.).¹

До сих пор не выяснено, к какой редакции — к Лаврентьевской или к Псковской второй — ближе текст жития Александра в известном Псковско-Печерском сборнике, где он находится непосредственно вслед за Словом о погибели Русской земли. Между тем, особенно теперь, после открытия В. И. Малышевым нового списка жития в таком же сочетании, выступает важность именно этого типа жития.

Таким образом, житие Александра, разбор его редакций и текста, ждет еще своего исследователя. Чрезвычайно важными, но беглыми замечаниями Н. Серебрянского изучение редакций жития Александра Невского ограничиться не может. Предполагаем, что некоторые историко-литературные наблюдения, излагаемые нами ниже, помогут в изучении редакций жития, так же как изучение редакций могло бы помочь в исследовании чисто историко-литературном.

В дальнейшем мы пользуемся в основном так называемой Лаврентьевской редакцией в списке б. Московской Духовной Академии № 208, XVI в. (издана у В. Мансикки), а в некоторых случаях прибегаем к так называемой „новой“ или второй редакции в списке Уварова № 514 (369), XVI в. (издана у В. Мансикки) и к Псковско-Печерской редакции (издана у Н. Серебрянского с дополнениями из Пролога Румянцевской Библиотеки, ныне им. В. И. Ленина, № 1772, XVI в. и вариантами из рукописи Моск. Дух. Акад. № 208, XVI—XVII в.).

1

Во всех основных списках жития Александра Невского приводится известный ответ Александра послам папы: „от Адама до потопа, от потопа до разделения язык...“ и т. д. Исследуя литературную традицию в жития Александра Невского, В. Мансикка приводит, между прочим, этот ответ в качестве примера влияния на житие летописи. „Подобное «Сказание въкратце сущимъ от Адама до днешняго времени», — пишет В. Мансикка, — напечатано в прибавлениях к I тому Полного Собрания Летописей. Ход мировой истории распределен на периоды, соответствующие перечню событий в ответе Александра. Под г. 6360, когда летописец впервые начинает «числа положить», он обозначает время между названными событиями: от Адама до потопа лет 2242, а от потопа до Оврама лет 1000 и 82, а от Авраама до исхоженья Моисеева лет 430 и т. д. В виде особой статьи встречается подобный отрывок между прочим в сборнике Московской типографской библиотеки (№ 396, л. 126 об., XVII в.)...“²

Уточним сделанное В. Мансиккой сопоставление. Приведенный им отрывок читается в Повести временных лет под 852 г. и восходит к „Никифорову летописцу вскоре“.³ Греческий текст Никифорова летописца, как доказано его издателем С. De-Boog'ом,⁴ распадается на две

¹ „Смерть Александра Невского в 1263 г. вызвала попытку создать как бы продолжение того великокняжеского летописца, который был создан Ярославом в 1239 г. ... общий состав известий за время великого княжения Александра Невского был так беден, что у составителя свода 1263 г. явилась мысль дать особое приложение, в котором очевидец и сотрудник покойного князя вскоре после смерти последнего рассказывал бы о его жизни и деятельности“ (М. Д. Приселков. Лаврентьевская летопись. История текста. — Ученые записки Ленинградского Гос. университета, № 32, Серия исторических наук, вып. 2, Л., 1939, стр. 130).

² В. Мансикка, стр. 47.

³ См.: А. А. Шахматов. „Повесть временных лет“ и ее источники. — Труды Отдела древне-русской литературы, вып. IV, 1940, стр. 64 и сл.

⁴ Nicephori archiepiscopi Constantinopolitani opuscula historica. Lipsiae, 1880.

редакции. Кроме того, отдельные списки летописца имели продолжения (основной текст доведен до года смерти Никифорова — 829-го). Текст вставки в Повести временных лет из Никифорова летописца соответствует его второй редакции. Как сразу видно, ответ Александра Невского послам папы от текста Повести временных лет отличается следующими тремя особенностями: 1) в нем отсутствуют хронологические данные, опущение которых, в сущности, понятно: оно вызвано самым характером ответа, не нуждавшимся в них; 2) в нем отсутствуют два этапа — пленение Иерусалима Веспасианом и царствование Александра Македонского; 3) периодизация мировой истории продолжена в нем еще двумя этапами — указаниями на первый и на седьмой (последний) вселенские соборы.

С последней прибавкой, т. е. с указаниями на первый и последний соборы как на два этапа мировой истории, этот отрывок входил в состав Русского Хронографа. Именно этот хронографический отрывок из Никифорова летописца и является наиболее близким к ответу Александра Невского послам папы. Привожу оба текста параллельно.

Русский Хронограф

[ПСРЛ, т. 22, ч. 1, 1011 г.,
стр. 19—20]

Летописчик вкратце.¹ *От Адама до потопа лет 2242, от потопа до разделения язык лет 500 и 30, от разделения язык лет 500 и 30, от разделения язык до начала Аврамля лет 552, а от Адама 3300 и 22, от первого лета Аврамля до пришествия Чермного моря лет 500 и 5, а от Адама 3827, а от исхо[да] сынов Израилев до умиртия царя Давида лет 600 и 30, а от Адама лет 4000 и 457, а от конца Давыдова до Христова Рождества 1000 и 43, от начала царства Соломона до взятия Иерусалима лет 448 а от Адама 4906, от пленения Иерусалимьска до умиртия Александра Македонскаго лет 261, а от Адама лет 5168, а от пленения до Рождества Христова, а от (у)миртия Александрова до Августова царства лет 295, а от начала царства Августова до Рождества Христова лет 42, а от Александра,² а от Адама до Рождества Христова лет 5500, а от Рождества до Страсти и до Воскресения Христова*

Житие Александра Невского

[Пролог Библиотеки им. Ленина,
№ 1722, XVI в., л. 667;
Н. Серебрянский, 117]

От Адама до потопа, от потопа до разделения язык, до начала Аврамля, от Авраама до проития Израиля сквозе Чермное море, от исхода сынов Израилев до умиртия царя Давида, от начала царствия Соломона до Августа царя и до рождества Христова, до смерти и до Воскресения Господня, от Воскресения и до Возшествия на небеса и до царства Константинова, до первого собора и до седмаго, си вся добре сведаем...

¹ Ср. греческое название Никифорова летописца вскоре: *хронографичѣска сѣмѣи*

² Год пропущен. Прим. издателя.

33, от Воскресения до первого лета царя Константина лет 279, а от Адама 5812, от первого лета царя Константина до первого собора лет 12, от первого до второго лет 60, от второго до третьего лет 50, а от третьего до четвертого лет 30, а от четвертого до пятого лет 100, от пятого до шестого лет 130, от шестого до седьмого лета 122, а от Адама 6296 до седьмого собора, а от Рождества Христова лет 805, а до крещения Болгарского от Адама лет 6377, от крещения до преложения книг лет 30 на Словенский язык святым Кириллом, а от Адама 6407...

Из приведенного сопоставления явствует, что ответ Александра представляет собою систематическую и вполне логическую выборку из хронографического (а не летописного) отрывка Никифорова летописца. Недоумение вызывает лишь пропуск в ответе Александра двух этапов мировой истории: царствования Александра Македонского и взятия Иерусалима, обычно соответствующих в самом хронографе Александрии и Повести Иосифа Флавия о взятии Иерусалима. В качестве догадки предполагаем, что эти два этапа мировой истории имелись в первоначальной редакции жития Александра Невского, в которой были сравнения Александра с образами Александрии и повести Иосифа Флавия, но исчезли при ее оцерковлении,¹ при удалении из нее образов Александрии и повести Флавия.

Нас не должно удивлять то, что Александр Невский избрал для своего ответа послам папы столь странную и не идущую к делу на первый взгляд форму: хронографы в древней Руси постоянно рассматривались как история вероисповедания по преимуществу. Хронографы обычно открывались статьями „Изложение о вере“, „Святого Феодорита, как подобает креститься“, „Указ, чесо ради поклоняемся на вѣсток“.² В состав древних компилятивных хронографов (Еллинского летописца второй редакции) входила, например, „Повесть въкратце полезна о Латынях, когда отлучишася от Грек и святыя Божия церкви“. В ней рассказывалось о Коруловых еретиках, развративших своим учением Рим, о судьбе Михаила Сингела и учеников его Феофана и Феодора, о папе Формосе; излагались основные заблуждения Латинской церкви (некоторые — фантастические), а затем рассказывалось о крещении Болгар, Руси (якобы во время похода Владимира на Царьград) и Угров с последующим их отпадением в латинство. Успехи латинства объяснялись, между прочим, военной слабостью Византии, вызванной нападением магометан. Здесь же упоминалось и о покорении Руси агарянами.

Как идейный оплот православия, хронографы рассматривались и в византийской литературе. В предисловии к хронике Георгия Амартола говорилось о том, что цель книги — рассказать о „елиньских философ еретицтее и складание басньных вер“ и дать историю пра-

¹ См. гипотезу Н. Серебрянского (стр. 191 и сл.), объясняющую особенности так наз. „особой“ редакции (в списках Уваровском № 514 (369), XVI в. и БАН 13.4.8. второй полов. XVI в.).

² См. ПСРЛ, т. 22, ч. 1, СПб., 1911, стр. 14—19.

вославия в борьбе с ересями: „манихейско бесовство“, „на иконы шибеная ересь“ — „откуда начаться и кде погрязе“.¹

Самые хронографические статьи, посвященные тому или иному византийскому императору, обычно имеют сведения о его православии или еретичестве, иногда выделяемые киноварью.² Таким образом, в ответе Александра Невского папе римскому заключалась, по существу, хронографическая история православия и еретичества. Ссылка Александра Невского на всемирную историю должна, таким образом, рассматриваться как ссылка на Хронограф; по существу ответ Александра Невского, как мы видели, и был взят из Хронографа.

Тот же „Никифоров летописец вскоре“, вернее его продолжение, отразился не только в основном тексте жития Александра Невского, но и в „Слове о погибели Русской земли“. В самом деле, в „Слове о погибели Русской земли“, как известно, император Мануил сделан современником Владимира Мономаха („жур Мануил царегородский опасимея, поне и великия дары посылаша к нему, абы под ним великий князь Володимер Царягорода не взял“),³ тогда как на самом деле он царствовал с 1143 по 1180 г. Объяснение этому находим в продолжении „Никифорова летописца вскоре“. В русских рукописях⁴ вслед за Никифоровым летописцем встречаем перечень византийских императоров, с обозначением, кто из них был православным, и кто нет. Перечень этот носит название: „Цари царствующие в Константине граде, православнии же и еретицы“. Хронологические указания взяты в нем из Никифорова летописца. Важно, при этом, что царствование Алексея Комнина определено в нем в семь лет и шесть месяцев вместо тридцати лет и пяти месяцев.⁵ Благодаря этой ошибке царствование Мануила отодвигалось на тридцать лет назад, и он оказывался современником Владимира Мономаха.⁶ И действительно, в Русском Хронографе, в части, взятой, повидимому, из Еллинского летописца, мы встречаем следующий текст: „По Никифоре Ватаниоте царствова Алексей Комнин лет 7 и месяц 7. Православен“,⁷ а затем, в связи с этой хронологией, в следующей 189 главе: „При сем цари Мануиле в лето 6620 преставися Святополк Изяславичь, быв на великом княжении лет 21, и седе на великом княжении в Кieve Владимир Манамах, сын Всеволожь... и преставися Владимир Манамах в лето 6633... его же вся страны трепетаху“.⁸

Итак „Никифоров летописец вскоре“ дважды отразился в житии Александра Невского. Один раз в самом тексте жития, а другой раз в „Слове о погибели“, которое теперь уже, после открытия нового

¹ В. М. Истрин. Хроника Георгия Амастолa в древнем славяно-русском переводе. т. I, Пгр., 1940, стр. 28.

² См. например, Еллинский летописец из собрания Плигина, Рук. отд. БАН, № 33. 8.13, лл. 118, 118 об., 119, 121, 122, 123 об., 124, 124 об., 125, 125 об., 160, 204 об., 207, 230, 243 об. и др. (Еллинский летописец Плигина относится ко второй половине XV в. и представляет собою один из лучших списков второй редакции, но в научный сборот, однако, не вошел). Напомню также о двух гипотезах, связывавших возникновение отдельных видов компилятивных хронографов с вероисповедными спорами: гипотеза В. М. Истрина о связи составления „Иудейского“ хронографа со спорами против иудейства и гипотеза А. А. Шахматова о возникновении „Русского хронографа“ в 1442 г. в связи с Флорентийской унией 1459 г.

³ Памятники древней письменности LXXXIV, 1892, стр. 24.

⁴ См. ПСРЛ, т. IX, СПб., 1862, стр. XX. Ср. Еллинск. летописец 2 ред. из собр. Ф. Плигина № 46, БАН 33. 8.13, лл. 294—294 об.

⁵ ПСРЛ, т. IX, стр. XXI.

⁶ На Хронограф как на источник ошибки Слова о погибели впервые указал И. Жданов. Русский былевой эпос, СПб., 1895, стр. 97—98.

⁷ ПСРЛ, т. 22, ч. 1, СПб., 1911, стр. 381.

⁸ ПСРЛ, т. 22, ч. 1, СПб., 1911, стр. 386—387.

списка „Слова о погибели“, с известной долей вероятности можно считать вводной статьей к житию.

Сразу же отметим одно обстоятельство, которое окажется для нас важным в последующем изложении. „Никифоров летописец вскоре“ в отдельных списках не встречается — он всегда входил в состав компиляций: в отрывках в летописи, в компилятивных хронографах и в кормчих. В частности, он входил в состав компилятивных хронографов домонгольской поры.¹ Мы видели выше, что летописный отрывок Никифорова летописца не мог оказать влияния на житие Александра, так как нами отмечено влияние тех его частей, которые в летопись не входили. Следовательно, остается предположить, что „Никифоров летописец вскоре“ был известен автору жития либо в составе компилятивного хронографа, либо в составе кормчей.² Из этих двух памятников ряд признаков, как увидим ниже, указывают на компилятивный хронограф.

2

В своем исследовании Ипатьевской летописи акад. А. С. Орлов, указав влияние компилятивного (Еллинского и Римского) хронографа на вторую половину Ипатьевской летописи (за XIII в.), считал возможным предположить, что „если два-три произведения, отразившиеся на летописи, в то же время входили совместно в состав хронографа, то скорее всего они влияли на нее не своим отдельным текстом, а именно через хронограф, откуда иные из них нам только и известны“.³

В. Мансикка установил влияние на житие Александра Невского Повести о разорении Иерусалима Иосифа Флавия,⁴ Н. Серебрянский — Александрии псевдо-Каллисфена⁵ и Повести о Троянском пленении.⁶ Все эти произведения, а также „Летописец Никифоров вскоре“, влияние которого мы отметили выше, входили в обычный состав компилятивных хронографов домонгольской поры. Больше того, все перечисленные выше произведения в отдельном виде не встречались. О „Никифоровом летописце вскоре“ мы уже говорили в этом отношении выше. Троянская история Дигениса Критского была известна только по 5-й книге Хроники Малалы, вошедшей в компилятивные хронографы домонгольской поры. Псевдо-Каллисфенова Александрия также входила в состав Хроники Малалы, а вместе с нею в домонгольские компилятивные хронографы; отдельные поздние списки ее являются извлечениями из хронографов. Наконец, только в составе компилятивных хронографов была известна и Повесть о разорении Иерусалима Иосифа Флавия (в Еллинском летописце второй редакции; также в Архивском хронографе). Поэтому мы вправе предполагать, что перечисленные произведения, влияние которых на житие Александра может считаться

¹ „В состав этой энциклопедии (Еллинского летописца. — Д. Л.) входил, между прочим, Никифоров летописец, что видно из его постоянной связи с Еллинским летописцем: ср. тождественное содержание в изложении данных о позднейших византийских императорах между некоторыми списками Никифорова летописца и списками II вида Еллинского летописца“ (А. Шахматов. Древнеболгарская энциклопедия X века. — Византийский Временник, т. VII, вып. 1—2, СПб., 1900, стр. 34).

² О Никифоровом летописце в последней см. статью Н. В. Степанова. Изв. ОРЯС АН, 1912, кн. 2 и 3.

³ А. С. Орлов. К вопросу об Ипатьевской летописи. — Изв. ОРЯС АН, т. XXXI, 1926, стр. 96.

⁴ В. Мансикка, стр. 26—32. Ср. также у Е. В. Барсова. Слово о полку Игореве как художественный памятник Киевской дружинной Руси, т. I, М., 1887, стр. 217.

⁵ Н. Серебрянский, стр. 184 и сл.

⁶ Там же, стр. 210 и др.

прочно установленным, влияли не порознь, а в составе того же компилятивного хронографа.

Наше предположение может быть подкреплено и тем обстоятельством, что большинство указанных В. Мансиккой библейских параллелей к житию также входили в состав компилятивного хронографа. Например:

В Хронике Георгия
Амартола
по изд. В. М. Истрина

„И увеличися Соломон паче всех цесарь земных богатством и умомъ; и вси цесареви искаху видети лице его и послушати глас его, и прихожаху приносяще кождо их на вся лет дары своя...“ (стр. 145).

„И глас слова его яко глас многаго народа“ (стр. 161).

„И царица Саваньская... услышавши имя его, приде в Иерусалим“ (стр. 145).

„Царица Ужеска приде от конецъ земли, да видить премудрость Соломону“ (стр. 146).

„И бе владыка [Соломон] всем царствам от реки Ефрата до же и до земли иноплеменик и до предел Егупетских“ (стр. 145).

Описание славы Соломона: „и далних стран доиде память твоя“ (стр. 146).

В житии Александра
по списку
б. Московской Духовной
Академии № 208

„Но возраст его паче инех человек, а глас его, яко труба в народе... И се некто от западныхъ страны, иже нарицаютца слуги Божия, и от тех приидоша, хотя видети дивный возраст его, якоже древле царица Южская приходила к Соломону царю, хотя слышати премудрость его, яко сей, именем Андрейашъ, видев князя Александра Ярославича, и возвратися ко своим и рече“... (Мансикка, стр. 2).

„И начаша слышати имя великаго князя Александра Ярославича по всем странам и до моря Пешескаго и до гор Аравитских, обону страну Вряжьскаго и до Рима“ (Мансика, стр. 7).

Упоминаемый в житии Александра библейский эпизод с помощью ангелов царю Езекии против полчищ Сеннахерима также имеется у Амартола,¹ входившего в состав компилятивных хронографов домонгольской поры. Впрочем, последняя параллель приводится также и в Повести Иосифа Флавия о разорении Иерусалима, так же, как было уже упомянуто, входившей в состав компилятивных хронографов.

Кроме перечисленных выше произведений — Александрии, Повести о разорении Иерусалима, Троянской истории, Летописца Никифора и отдельных библейских параллелей, — входивших в состав домонгольских компилятивных хронографов, — в житии Александра Невского отразилась также стилистическая манера повести о Девгении Акрите. Сопоставление повести о Девгении Акрите и жития Александра Невского было подробно проведено Н. Серебрянским,² и основательность

¹ См. Хронику Георгия Амартола в издании В. М. Истрина, т. 1, Пгр., 1920, стр. 159.

² Н. Серебрянский, стр. 210 и др. Приведем некоторые параллели между житием и повестью о Девгении дополнительно к тем, которые были указаны Н. Серебрянским. „Сказание, како победи Девгений Василия царя“, начинает рассказ так: „Некто бысть царь именем Василий и слышав о дерзости и храбрости Девгениеве, бысть яростен зело и желание имея велие како бы его добыти... и услышав Девген(и)еву дерзость, яростен бысть, борзе нарядив послы своя, посла грамоту, написав с ласканием прелестью...“ (М. Н. Сперанский. Девгениево деяние. Пгр., 1922, стр. 145). Ср. начало рассказа жития о Невской битве: „И се слыша краль части Римския, от полунощныхъ

его не вызывает сомнений. Между тем это едва ли не единственное крупное произведение (кроме, впрочем, Паремийного чтения о Борисе и Глебе, заимствования из которого в житии Александра Невского не показательны для его литературной традиции), отразившееся в житии помимо компилятивного хронографа: повесть о Девгении Акрите в состав древнейших компилятивных хронографов не входила.

Отметив влияние на житие Александра Невского ряда произведений, не порознь, а через компилятивный хронограф и отдельно повести о Девгении Акрите, обратим внимание на следующее обстоятельство. Компилятивный хронограф сходного состава, как выяснено академиком А. С. Орловым, отразился в Ипатьевской летописи первой половины и середины XIII в. Тем значительнее, что повесть о Девгении Акрите, как это отмечено в исследовании М. Н. Сперанского, также сходна по своей стилистической манере с Ипатьевской летописью за тот же период.

Повесть о Девгении Акрите принадлежит к числу типично южно-русских памятников, близких по своим художественным средствам и языку к таким произведениям как Александрия (в 1 ред.), как повесть о пленении Иерусалима, Ипатьевская летопись и хроника Малалы.¹ По уточнению акад. А. С. Орлова, перевод повести о Дигенисе сделан, вероятнее всего, в Галицко-Волынской области.²

Таким образом, не может быть сомнения в том, что повесть о Дигенисе входила в тот же круг южно-русских памятников, литературная манера которых отразилась и в житии Александра, и в Галицкой летописи.

Такое соответствие литературных памятников, отразившихся в Галицкой летописи и в житии Александра, вынуждает нас поискать, помимо окольных, и непосредственных сходств между Галицкой летописью и житием Александра.

3

Приведем примеры параллелей к житию Александра Невского, отыскиваемых только в Галицкой летописи. В житии Александра дважды говорится о степных народах, которые пугают своих детей именем русского князя: в „Слове о погибели“ говорится о Мономахе, „которым то половоци дети своя ношаху [описка вм. „страшаху“] в колыбели“,³ и в собственно житии то же говорится об Александре: „проиде весть до усть Волги, и начаша жены Маявидския полошати дети своя рекуше, едет князь Александр Ярославичь“. ⁴ Единственная параллель к этим двум местам жития может быть указана только в Галицкой летописи

страны, таковое мужество князя Александра Ярославича, и рече: Пойду, поплению землю Александрову“ (Мансикка, стр. 2). Повесть и житие совпадают и в отдельных выражениях; например в повести о Девгении: „един от них на сто наедет“ (в оп. М.-П. и Т.), „един на сто человек наедет“ (в сп. Пып.) и в житии: „сей наехавше на шняку“, „сей наехав многожды бьяшася, „сей наехав на полк с мечем и мужествовал“ (Мансикка, стр. 4). Некоторые общие места между повестью о Девгении, житием Александра и Галицкой летописью отметим ниже.

¹ М. Н. Сперанский. Девгениево Деяние. К истории его текста в старинной русской письменности. Сборн. ОРЯС АН, т. ХСІХ, № 7, Пгр., 1922, стр. 59 и сл. М. Н. Сперанский отмечает: „особенно частое совпадение в выражениях и способе их употребления с южно-русскими летописями XII — нач. XIII в.“ (там же, стр. 78).

² А. С. Орлов, стр. 93.

³ Памятники древней письменности, LXXXIV, 1892, стр. 22.

⁴ Мансикка, стр. 22.

под 1252 г., где об отце Даниила — Романе вспоминается: „иже безострился на поганя, яко лев, им же половци дети страшаху“.¹

Так же только в Ипатьевской летописи находятся самые близкие параллели к встрече Александра псковичами: „и сretoша его со кресты игумене и попове в ризах, народ мног пред градом, подавающе хвалу богови, *поюще песнь и славу* государю, великому князю Александру Ярославичу“.² Встречи победителя ликующим народом не редкость в летописях,³ но только в Галицкой летописи, как и в житии Александра, победителю при встрече поют славу. Такова в Галицкой летописи концовка повествования о походе Даниила и его брата Василька на ятвягов под 1251 г.: „и *песнь славну* *пояху* има, богу помогшума, и придоста со славою на землю свою, наследивши путь отца своего великого Романа...“

Путешествие Даниила к Батыю в Орду и путешествие Александра к Батыю в Орду сопровождаются сходными замечаниями о славе Даниила и Александра; в Галицкой летописи о Данииле: „бысть же ведомо странам приход его всем ис татар“;⁴ в житии об Александре: „и бысть грозен приезд его. Проиде весть до усть Волги“.⁵

Послы папы пришли к Даниилу с благословением, королевским венцом и саном королевства, „*хотяще видети* князя Данила“.⁶ Так же точно к Александру приходит „некто от западных страны“, „*хотя видети* дивный возраст его“.⁷

Между житием Александра и Галицкой летописью отчетливо устанавливается сходство в стиле, в манере описывать военные действия, битвы, подвиги князя. „Краль части Римския“ в житии Александра идет на него, собрав „силу велику“ и наполнив корабли полками, „и поиде в силе велице, пыхая духом ратным. И преиде реку Неву, шатаяся безумием, посла послы разгордевся ко князю Александру Ярославичю в Новгород в Великий и рече: Аще можеш ми противитися, уже есмь zde, поплению землю твою“.⁸ Ср. в Галицкой летописи выступление венгерского короля против Даниила: „Изыде же Бела-рикс, рекъмый король Угорьский, в силе тяжьце, рекшу ему: яко не имать остатися град Галичь, несть кто избавляя и от руку моею“.⁹

Александр, прежде чем выйти навстречу шведам, отправляется Софию Новгородскую, молится там, а затем устремляется на врагов с немногую дружиною: „и поиде на ня *в мале дружине*, не сождавсья с о многую силою своею, уповая на святую Троицу“.¹⁰

¹ Ипатьев. лет., 1252 г.; даты второй части Ипатьев. лет., как известно, неверны. К этому месту жития В. Мансикка (стр. 20) приводит следующие библейские параллели: „пронеслось имя Давидово по всем землям и Господь сделал его страшным для всех народов“ (1 Пар. XIV, 17); сам Давид говорит о себе: „по слуху обо мне повинуются мне; иноплеменики бледнеют и трепещут в укреплениях своих“ (II Цар. XXII, 45). Однако параллели эти, как сразу видно, весьма далеки от соответствующих мест жития.

² Мансикка, стр. 6—7.

³ Лавр. 6654, Ипатьев. 6611, 6620, 6654, 6659.

⁴ Ипатьев. лет., 1250 г.

⁵ В. Мансикка, стр. 7.

⁶ Ипатьев. лет., 1254 г.

⁷ В. Мансикка, стр. 2.

⁸ Там же.

⁹ Ипатьев. лет., 1229 г. Ср. также: „Выйде Филя, древле прегордый надеяся объяти землю, потребити море“ (там же, 121 г.); „Филя же строящися на брань, мняше же бо яко никто может стати противу ему на брани“ (там же, 1219 г.).

¹⁰ В. Мансикка, стр. 2.

Так же точно поступает и Даниил перед битвой с венграми: „Помолившу же ся ему [богу] и святей пречистой богородици, Михаилу архангелу божию, устремися изыти со малом ратник“.¹

Александр „скоро поеха“ навстречу врагам, „ускори князь велики поити“;² также и Даниил: „Данилови же рекшу, яко же Писание глаголетъ: «мьдлѣй на брань страшливу душу имать», — понудив их [своих ратников], ускорѣ снѣти на не“.³

Сама битва Александра со шведами описывается с тою же подробностью, что и битва Даниила с венграми 1231 г. В описании битвы Даниила с венграми говорится о подвигах его самого („вободѣ копье свое в ратного изломившу же ся копью и обнажи мечь свой“)⁴ и некоторых участников, захват королевского стяга и т. д.

В житии Александра в древнейшей его версии (в Софийской первой летописи) подчеркивается незначительность потерь в войске Александра и перечисляются по именам главные убитые: „новгородцев же ту паде: Костянтин Луготиничъ, Юрѣта Пинящиничъ, Намест, Дро-чило Нездилов сын кожевников, а всех 20 мужь паде и с Ладожаны, или менши, то бог весть“.⁵ Ср. в Галицкой летописи: „тех бо падших много угор, а Даниловых мало бояр, их же имена се быша: Радислав Юрьевичъ, Мойси, Степан брат его, Юрьи Яневичъ“.⁶

В житии Александра перечисляются храбрые Александра: „Первый именем Гаврило Олексенич... Другой новгородец именем Збыслав Якунович... Третий Яков полочанин, ловец бе у князя... Четвертый новгородец именем Миша... Пятый от молодых людей, именем Сава... Шестой от слуг его, именем Ратмил“.⁷ Перечисление ратников или воевод не редкость в летописях, но только в Галицкой летописи находим аналогичное перечисление с порядковыми числами в описании выступившего в поход войска венгерского короля: „имена же бывши(м) воеводам с ним: первый Петр Туровичъ, второй Банко, трети Мика Брадатый, четвертый Лотахарот, пятый Мокъян, шестый Тибрець, седмы Мароцел, и инии мнози...“⁸ Между Ипатьевской летописью и житием Александра можно наблюдать и некоторые фразеологические соответствия. Сравним, например, эпитет „милый“, вообще характерный для южно-русских памятников (повесть о Дигенисе, Слово о полку Игореве), но и в житии Александра и в Галицкой летописи употребленный в одном и том же сочетании: „милый сын“. В Галицкой летописи: „приял бо бе Данила, како милаго сына своего“;⁹ ср. в житии: „не бе ведал такового востаниа на сына своего милаго“.¹⁰ Ср. также эпитет „острый“ в Галицкой летописи: „острый мецю, борзый коню“¹¹ и в житии: „острым своим копием“.¹² И для Галицкой летописи, и для жития Александра характерны тавтологические сочетания; например в Галиц-

¹ Ипатьев. лет., 1231 г. Ср. еще: „Данилови же приехавшу в мале дружине“ (Ипатьевск. лет., 1219 г.).

² В. Мансикка, стр. 3.

³ Ипатьев. лет., 1231 г. Ср. также: „Данил же... скоро собрав полкы поиде“ (1234 г.); Даниил и Василько, „скоро собравше вой, поидоста“ (на Литву; под 1249 г.).

⁴ Ипатьев. лет., 1231.

⁵ Софийск. первая лет., 1240 г.

⁶ Ипатьев. лет., 1232 г.

⁷ Н. Серебрянский, стр. 113—114.

⁸ Ипатьев. лет., 1208 г.

⁹ Ипатьев. лет., 1202 г.

¹⁰ Мансикка, стр. 3. Ср. также в повести о Дигенисе „чадо мое милое“ (М. Сперанский, стр. 136).

¹¹ Ипатьев. лет., 1217 г.

¹² Мансикка, стр. 4.

кой летописи: Даниил „победою победи Ростислава“,¹ „многом множеством силы своей“;² сравним в житии Александра: „укори а укором“,³ „побеждая непобедим“⁴ и др.

Обращает на себя также внимание близкое сходство традиционных формул воинских повестей. Формулы эти, как было исследовано А. С. Орловым, часты в летописи. Замечательно, однако, что, приводя параллели к воинским формулам жития, В. Мансикка останавливается по преимуществу на примерах из Ипатьевской летописи. Дополнительно к материалам В. Мансикки укажем еще на некоторые. Так, например, для Галицкой летописи характерно определение множества войска по тому, что войско покрывает все поле битвы: „якоже покрыти воде быти от множества людей“,⁵ „наутрея же собрашася вси Ятвязе, пешци и снузници, мнози зело, яко и лесом их напольнитися“;⁶ „и бысть рать велика, якоже наполнити болота Ятвяжьска полком“.⁷ Сравним в житии Александра: „пойде противу их, и множеством обоих вои покрывша езеро, глаголемое Чюдское“.⁸ Отметим также некоторые общие и для жития, и для Галицкой летописи заимствования из Иосифа Флавия. Например, в житии Александра: „и бысть сеча зла и труск от копей (в рукописи: „коней“) и ломление и звук от мечнаго сечения“;⁹ ср. в Галицкой летописи: „и ту беаше видети лом копейны и щит скепание“,¹⁰ или: „копьем же изломившимся, яко от грома тресновение бысть, и от обоих же мнози падше с коний и умроша, и инии уязвени быша от крепости ударения копейного“;¹¹ ср. у Иосифа Флавия при осаде Иотопаты: „и быс[ть] видети лом копийн[ы] и скрежтание мечное и щит ископани“.¹²

Наконец, между житием Александра и Галицкой летописью есть существенное композиционное сходство. Как отмечено Л. В. Черепным,¹³ Ипатьевский список в части с 1202 г. по 50-е гг. XIII в. заключает в себе жизнеописание Даниила. Это жизнеописание не было разделено на погодные статьи (даты, как известно, проставлены уже составителем Ипатьевской летописи) и начиналось с лирического вступления, посвященного предкам Даниила и бывшему могуществу Русской земли. Характерно, что это вступление к жизнеописанию Даниила многими чертами напоминает „Слово о погибели Русской земли“, которое также носит характер своеобразного лирического вступления к житию Александра.

Предисловие к жизнеописанию Даниила начинается с воспоминаний о бывшем могуществе Русской земли при отце Даниила Романе и деде его Владимире Мономахе. Мономах погубил поганые Измаильтяны, „рекомыя половци“, и изгнал их хана Отрока „во Обезы за Железные врата“.¹⁴

Тем же прославлением бывшего могущества Русской земли начинается и „Слово о погибели“. „Слово о погибели“ перечисляет пространства, покоренные „деду“ Александра — Владимиру Мономаху. Главная

¹ Ипатьев. лет., 1250 г.

² Там же, 1240 г.

³ В. Мансикка, стр. 2.

⁴ Там же.

⁵ Ипатьев. лет., 1224 г.

⁶ Там же, 1251 г.

⁷ Там же, 1256 г.

⁸ Н. Серебрянский, стр. 115.

⁹ В. Мансикка, стр. 6.

¹⁰ Ипатьев. лет., 1240 г.

¹¹ Там же, 1249 г.

¹² Слово 3, VII, V. Istrin. La prise de Jérusalem. t. I, P., 1934, pp. 220 et 222.

¹³ Летописец Даниила Галицкого. Исторические Записки, № 12, 1941.

¹⁴ Ипатьев. лет., 1201 г.

заслуга Мономаха и тут, и там — это страх, который он нагнал на врагов Руси и, в первую очередь, на половцев: в „Слове о погибели“ Владимиром „половци дети своя ношаху [очевидно испорченное из „страшаху“] в колыбели, а Литва из болота на свет не выныкываху, а угры твердыху камении города железными ворогы, абы на них великий Володимер тамо не всахал, а немци радовахуся, далече будуче за синим морем“.¹

От величественного прошлого оба вступления переходят к печальному настоящему: вступление к жизнеописанию Даниила говорит о великом мятеже, восставшем в земле Русской; „Слово о погибели“ напоминает о „болезни крестияном“ последних дней.²

В дальнейшем и жизнеописание Даниила и житие Александра в моменты наибольшей опасности для своих героев вспоминают их предков. Так, например, описание пребывания Даниила в Орде сопровождается следующим лирическим восклицанием автора: „О злая честь Татарская! *Его же отец* бе царь в Руской земли, иже покори Половецкую землю и воева на иные страны все, сын того не приа чести, то иный кто может прияти?“.³ Ср. в житии Александра перед битвой со шведами: „Жалостно слышати, яко *отец его* Ярослав честный, великий, не бе ведал такового востания на сына своего милаго великаго князя Александра Ярославича“.⁴ Еще ближе к жизнеописанию Даниила то место „новой“ (древнейшей) редакции жития Александра, где воспоминание об отце Александра — Ярославе — стоит в связи с путешествием Александра к Батыю, т. е. в том же сочетании, что и в жизнеописании Даниила: „Якоже бо по первом велицем взятии Тотарьстем *отец его* великий князь Ярослав... сам себе не пощаде, предасть бо ся сам за люди своя в великую и темную и пагубную землю и много пострадав за землю отчины своя, обажен бысть Федором Ярозовицем и многы дни пострадав, и тако с миром дух предасть. Тако же и сын Александр не остави пути отца своего за люди своя, за тыя же много пленения прият...“⁵

К сожалению, жизнеописание Даниила Галицкого не было доведено до его смерти; поэтому мы лишены возможности судить о композиции жизнеописания Даниила в целом, но предполагать, что житие Александра заканчивалось в южно-русской манере, некоторые основания все же имеются. Дело в том, что к известному образному сравнению митрополитом Кириллом Александра с закатившимся солнцем Суздальской земли в исследованиях жития Александра Невского⁶ были приведены лишь две параллели — и обе из Ипатьевской летописи. Одно — в описании смерти Мстислава Ростиславича под 1179 г.: „уже бо солнце наше заиде ны и во обиде всем остахом“; другое — в описании смерти Володимера Васильковича под 1288 г.: „уже бо солнце наше заиде ны и во обиде всем остахом“. В последнем случае мы имеем не простое совпадение или заимствование, а несомненную южно-русскую литературную традицию в описании смертей, что доказывается другими словами в описании смерти Володимера Васильковича: „и приложися ко отцемъ своим и дедом, отдав общій долг, его же несть убежати всякому рожену“.⁷ Приведенные слова читаются также в описании смерти Святослава

¹ Памятники древней письменности, LXXXIV, 1892, стр. 22—23.

² Возможно, что имеется также связь между стоящими в начале „Слова о погибели“ словами „о смерти великого князя Ярослава“ и первыми словами статьи 1201 г. Ипатьевской летописи: „По смерти же великого князя Романа“. В „Слове о погибели“ значение упоминания смерти Ярослава не ясно.

³ Ипатьев. лет., 1250 г.

⁴ В. Манаска, стр. 3.

⁵ Там же, стр. 13.

⁶ Там же, стр. 39.

⁷ Ипатьев. лет., 1288 г.

Ростиславича,¹ Мстислава Ростиславича,² Романа Ростиславича,³ Всеволода Святославича⁴ и Давыда Ростиславича.⁵

Сравнением умершего Александра с закатившимся солнцем сходство описания смерти Александра с соответствующими местами Ипатьевской летописи, однако, не ограничивается. В житии Александра автор его горюет: „аще бы жив с ним во гробе влезл“,⁶ так же точно плачут по Мстиславе новгородцы: „добро бы ны, господине, с тобою умерети“...⁷ и так же плачут по Владимиру Васильковичу владимирцы: „добро бы ны, господине, с тобою умерети“...⁸ Таким образом, в житии Александра оба эти места находятся в том же сочетании, что и в Ипатьевской летописи (сперва желание умереть вместе с погребаемым, затем сравнение его с солнцем); это говорит о том, что перед нами не случайное совпадение, а литературная традиция.

Однако, в целом, между жизнеописанием Даниила и житием Александра имеется весьма существенное различие. Жизнеописание Даниила, несомненно, подробнее и пространнее. Оно составлено очевидцами всего жизненного пути Даниила до 50-х годов XIII в. и осталось не законченным. Житие Александра несравненно короче. Оно написано „самовидцем“ его „возраста“, но все его начало (до 50-х годов XIII в. во всяком случае) принадлежит не очевидцу, а воспроизведено по рассказам самого Александра или его современников.⁹ Как увидим ниже, именно это различие на самом деле теснее и конкретнее всего связывает жизнеописание Даниила с житием Александра.

4

Возможные пути книжных связей Галича и северо-востока Руси начала второй половины XIII в. могут быть прослежены довольно точно. Звеном, связующим Галицкую Русь и Владимиро-Суздальскую, был митрополит Кирилл II,¹⁰ переехавший в 1250 г. сюга от Даниила к Александру Невскому.

Кирилл II, как известно, был на митрополичьей кафедре ставленником Даниила Галицкого. Близость Кирилла к Даниилу возникла, по видимому, задолго до его поставления в митрополиты. М. Д. Присел-

¹ Ипатьев. лет., 1172 г.

² Там же, 1179 г.

³ Там же, 1180 г.

⁴ Там же, 1196 г.

⁵ Там же, 1198 г.

⁶ В. Мансикка, стр. 9.

⁷ Ипатьев. лет., 1179.

⁸ Там же, 1288 г.

⁹ Вполне отчетливо представить себе, кто был автором, по житию нельзя, но некоторые сведения о нем все же могут быть добыты. Напомню основные: автор был „самовидец возраста“ Александра (Н. Серебрянский, стр. 110; Мансикка, стр. 1), т. е. его внешности (а не юности или роста, как толкует В. Л. Комарович в Истории русской литературы, т. II, ч. 1, стр. 55; ср. у Маламы: „и видел ю и доброту ея и *възраст*“: кн. II, Летопись Ист.-филол. общ. при Новоросс. унив., X, Виз.-слав. отд., VII, Одесса, 1902, стр. 481—482). О первоначальных годах княжения Александра автор писал по рассказам (в списке Ленинской библ. № 1772 в предисловии сказано, что он писал то, что слышал „от своих отец домочадец“, Н. Серебрянский, стр. 110). Автор не был очевидцем битвы Александра. В рассказе о Невской битве он говорит: „сии же вся слышав (вар. слышахом) от господина своего князя Александра Ярославича и от иных же в то время обретошася в той же сечи“ (В. Мансикка, стр. 5). В рассказе о Чудской битве он говорит, что все сведения о ней он получил от „самовидца“ (В. Мансикка, стр. 6). Автор не сопровождал Александра и в его поездке к Батыю.

¹⁰ Следует иметь в виду, что митрополит Кирилл II в литературе иногда также называется Кириллом III (не по счету митрополитов Кириллов, и по счету писателей Кириллов).

ков видит будущего митрополита Кирилла в „печатнике“, т. е. канцлере, Даниила. М. Д. Приселков пишет: „Кирилл был киевский митрополит, ставленник галицкого князя Даниила из числа его ближайших сотрудников, бывший печатник Даниила“.¹ На чем основывает М. Д. Приселков такое категорическое отождествление, осталось у него нераскрытым, но правдоподобность его не вызывает сомнений: совпадение имени „печатника“ Кирилла, действовавшего по летописи в 1241 г., и имени Кирилла, названного в летописи под 1243 г. „митрополитом“ (очевидно будущим митрополитом — „нареченным“), но выполнявшим те же функции „печатника“ — канцлера, — думается, не случайно.

„Печатниками“ или канцлерами в Византии обычно были духовные лица. „Печатник Кирилл“ — также лицо духовное. Это можно заметить по разным косвенным признакам. Так, например, предводительствуя войсками, Кирилл, во-первых, не водит их непосредственно сам в битву и, во-вторых, стремится действовать миролюбивыми средствами. В Бакоте Кирилл сперва обращается к своим противникам с пространною речью. Приведя часть его речи, летописец прибавляет: „иними словесы мудрыми глаголаста ему много“.² Видя отступление противников, печатник Кирилл отказывается от их преследования и удерживает за собой Бакоту „мудростью и крепостью“. В другой раз, подойдя к Дядькову с 3000 пехоты и 3000 конницы, Кирилл не ведет их в бой непосредственно сам, а, как лицо духовное, лишь „разрешает“ им взять Дядьков: „и водасть им взяти Дядьков град“.³

Насколько мы можем судить по кратким заметкам Ипатьевской летописи под тем же 1241 г., „печатник“ Кирилл выполнял и чисто литературные поручения Даниила. Даниил послал Кирилла в Бакоту „исписати грабительства нечестивых бояр“.⁴ Как доказывает Л. В. Черепнин (в существо его доказательств сейчас не вхожу), выполненный Кириллом литературный отчет о боярских крамолах и о борьбе Даниила с Польшей и Венгрией составляет основное содержание Ипатьевской летописи почти за два десятилетия.⁵

Кириллу неоднократно приходилось выполнять сложные дипломатические поручения Даниила еще прежде своего поставления в митрополиты. Наконец, в 1250 г. Кирилл отправился на посвящение в Никею.⁶ Проездом через Венгрию, он вел переговоры с венгерским королем Белой IV о женитьбе сына Даниила — Льва на дочери Белы, что было связано с рядом важных государственных вопросов.

Не будем вдаваться в подробности отношений Кирилла и Даниила. Как известно, отношения эти были очень тесными, и поставление Кирилла на пустовавшую митрополичью кафедру входило в планы Даниила распространить свое влияние на Киев. Тем более странным кажется то обстоятельство, что Кирилл вскоре после своего поставления навсегда покидает Даниила и переезжает на северо-восток к Александру Невскому. Поездка Кирилла совершается с согласия Даниила, так как он взял с собой дочь Даниила — невесту Андрея Ярославича.⁷ Однако

¹ История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, стр. 104.

² Ипатьев. лет. под 1241 г.

³ Там же. См. П. Л. Соколов, Русский архиерей из Византии, Киев, 1913, стр. 160.

⁴ Ипатьев. лет. под 1241 г.

⁵ Начиная с 20-х годов XIII в. См. Л. В. Черепнин, Летописец Даниила Галицкого. Исторические Записки, № 12, 1941, стр. 245—252.

⁶ О поставлении Кирилла см. Ипатьев. и Лаврентьев. лет. под 1250 г.; Е. Голубинский. История русской церкви, т. II, вып. 1, II, М., 1900, стр. 53—55; Ф. Терновский. Изучение византийской истории и ее тенденциозное приложение к Древней Руси, вып. II, Киев, 1876, стр. 12 и др.

⁷ В последнее время был высказан взгляд, что Кирилл отправился к Александру Невскому в качестве посланца Даниила. Возможно, конечно, что у Кирилла были

вряд ли в планах Даниила было навсегда отпустить из-под своего влияния митрополичью кафедру.

Как правильно предполагал М. Д. Приселков, почти тридцатилетнее проживание Кирилла на севере не было случайностью.¹ Не буду вдаваться во все тонкости объяснения М. Д. Приселковым политики Даниила и Александра Невского, приведшей к тому, что Кирилл предпочел остаться у Александра. Для цели настоящей статьи важен лишь один несомненный факт, засвидетельствованный и русскими и иностранными источниками, — факт начавшегося в 1250-х годах (после отъезда Кирилла) союза Даниила и папы — союза, который не мог встретить и не встретил сочувствия в русском духовенстве.²

Действительно, в середине 40-х годов XIII в. в период вакантности митрополичьей кафедры между Даниилом и папой велись переговоры. В частности, посольство Иннокентия IV в Монголию вело переговоры об унии с Васильком, а на обратном пути с Даниилом. Эти переговоры не были успешными.³ Однако в 1252 г. в отсутствие Кирилла переговоры Даниила с Римом о союзе и о королевском венце возобновились. Даниил согласился принять от папы королевский титул на условиях помощи против татар: „рать татарская не престаесть зле живущи с нами, — отвечал Даниил папе: — то како могу прияти венець без помощи твоей“.⁴

В 1253 г.⁵ произошла коронация Даниила,⁶ совпавшая с усиленной пропагандой папой крестового похода на татар. Грамоты папы были получены в Богемии, Моравии, Сербии, Померании. Грамоту папы получил, очевидно, и Александр Невский — ту самую, отрицательный ответ на которую так подчеркнут в его житии. Кирилл находился в это время у Александра Невского. Естественно, что он навсегда порвал с Даниилом, связав свою дальнейшую судьбу с Александром Невским. С ним он был в тесных дружественных отношениях. Его он ставил на великое княжение во Владимире.⁷ Тело его он встретил и отпел во Владимире в 1262 г. Наконец, его, Александра, назвал он „солнцем земли Суздальской“, выразив тем самым высшую меру своей любви к нему.

На северо-востоке Кирилл не оставляет своих литературных трудов. Как предполагает М. Д. Приселков,⁸ по его инициативе ведется в Переяславле Залесском митрополичье летописание. Во всяком случае, Лаврентьевская летопись за 70-е годы сохраняет многочисленные при-

дипломатические поручения, но чем объяснить, что Кирилл остается на севере и после смерти Александра Невского? См.: А. Югов. Даниил Галицкий и Александр Невский. Вопросы Истории, 1945, № 3—4. В статье много неточностей. Смешаны, например, два митрополита Кирилла (известия 1228 г. и 1230 гг., приведенные на стр. 103 статьи, относятся не к митрополиту Кириллу II, а к Кириллу I, умершему на митрополии в 1233 г., и т. п.).

¹ М. Д. Приселков, стр. 104.

² Замечательно, например, что все переговоры об унии ведутся исключительно от лица самого Даниила.

³ Отсылаю за подробностями к обстоятельной работе Н. Дашкевича „Переговоры пап с Даниилом Галицким об унии юго-западной Руси с католичеством“. — Университетские известия, Киев, 1884, № 8.

⁴ Ипатьев. лет. под 1255 г.

⁵ М. Грушевський. Хронологія подій у Галицько-Волинській Літописі (Записки Наукового Товариства імені Шевченка, т. XLI, кн. III, Львів, 1901), стр. 36—37.

⁶ „Он же венець от бога прия, от церкви святых апостол и от стола святого Петра, и от отца своего папы Некентия“ (Ипатьев. лет., под 1255 г.).

⁷ „И посади его [Александра] пресвященный Кирил митрополит на великом княжении во Владимире на столе отца его“ (Никонов. лет. под 1252 г.).

⁸ История русского летописания..., стр. 104.

знаки близости летописца к митрополиту. Между прочим, в 1274 г. во Владимире митрополит Кирилл созвал церковный собор, на котором обсуждались различные недостатки тогдашней церковной жизни. Результатом этого собора явилось „Правило Кирилла, митрополита русского“, дошедшее до нас, очевидно, лишь частично. Во вступлении к „Правилу“ дана известная картина положения Руси: „Не расея ли ны бог по лицу всея земля? — говорит Кирилл, — не взяти ли быша гради наши? не падоша ли сильнии наши князи остриемь меча?¹ не поведени ли быша в плен чада наша? не запустеша ли святые божия церкви? не томими ли есмы на всяк день от безбожных и нечистых поган? Си вся бывають нам, зане не храним правил святых наших и преподобных отець“.²

Кирилл явился к Александру не один. Недовольных церковною политикою Даниила было, очевидно, немало. Естественно, что многие из них спаслись от угрозы унии, переехав на северо-восток Руси под покровительство своего сильного земляка Кирилла. Среди этих переехавших к Кириллу представителей духовенства были, очевидно, и люди книжные.³ Знаменательно, что с середины 50-х годов XIII в. официальное галицкое летописание явно хиреет.⁴

Вне всякого сомнения, Кирилл имел отношение к составлению жизнеописания Александра. Он мог быть и автором, но вернее всего он заказал житие кому-нибудь из проживавших на севере галицких книжников. Во всяком случае в Псковско-Печерской редакции жития Александра, одной из самых важных для определения первоначального его вида, прямо говорится: „се же бысть проповедано всем от Кюрила митрополита святителя и от иконома его Савастияна“.⁵

Тем самым объясняются многие особенности жития Александра Невского. Житие несет в себе западно-русскую, галицкую литературную традицию, так как из Галича был его автор. Оно близко по форме к жизнеописанию Даниила, так как именно это жизнеописание было ближе всего знакомо самому Кириллу, когда-то вложившему свой труд в его составление. Оно пользуется, как своим литературным образцом, компилятивным хронографом типа Еллинского летописца, так как именно на этом образце воспитывались литературные вкусы его автора. Оно носит по преимуществу светский характер, так как следовало светским образцам. Оно написано не очевидцем подвигов Александра, так как автор его приехал на северо-восток после 1250 г. В нем многое написано со слов самого Александра, — и это понятно, так как сам митрополит Кирилл и его двор были близки к Александру. Автор его радуется тому, что Александр ответил папе решительным отказом, — и это также понятно, так как именно согласие на унию с папой Даниила вынудило автора покинуть Даниила и остаться у Александра. Вот почему и враги Александра — шведы — называются в житии не по национальному, а по вероисповедному признаку „римлянами“. В своем ответе римскому папе Александр пользуется советом своих „мудрецов“,⁶ т. е. несомненно тех же вновь переехавших

¹ Ср. в Ипатьев. лет. под 1217 г.: „Острый мецю, борзый коню“.

² Русск. Истор. Библ., т. VI, 1880, стр. 83.

³ Переезд этот совершался не только в 50-х годах XIII в., но и значительно позднее. Так, под 1274 г. в Симеоновской летописи записано, что Серапион (знаменитый Серапион Владимирский) был поставлен епископом „Ростову, Владимиру и Новугороду“.

⁴ Л. В. Черепнин считает, что упадок галицкого летописания начинается с 56—57 гг. — Исторические записки, № 12, 1941, стр. 232 и сл.

⁵ Н. Серебрянский, ук. соч., Тексты, стр. 120.

⁶ Книжники и писатели постоянно называются в хронографе „мудрыми“, „премудрыми“ и т. д. — см. Малалу (в издании В. М. Истрина): кн. I, стр. 6, 8 (трижды), 14, 17, 18 (дважды); кн. II, стр. 465, 467, 469, 471, 473 (четырежды), 474, 476 (дважды),

на север из Галичины книжников, сумевших использовать в своем ответе папе главный источник своей литературной учености — Хронограф.

5

Мы рассмотрели выше западно-русскую литературную традицию в житии Александра Невского и возможные пути, по которым эта литературная традиция могла передаваться из Галичины на северо-восток. Нам остается только показать на конкретном примере, что такая передача была действительно возможна и осуществлялась в других случаях.

В своем исследовании „К вопросу об Ипатьевской летописи“ акад. А. С. Орлов для определения переводных хронографических источников Ипатьевской летописи преимущественное значение отдает так наз. Архивскому хронографу (Архив Мин. иностр. дел, № 902—1468, теперь № 279—658), составленному в 1262 г., как раз накануне смерти Александра Невского. Подведем итоги тем данным, которые могут считаться прочно установленными в отношении этой рукописи.

Состав этого Архивского сборника определяется акад. А. С. Орловым следующим образом: судя по оглавлению, он „состоял из пяти статей: 1) Толковый Апокалипсис; 2) Компилятивный Хронограф, составленный из Библейских книг, хроники Георгия Амартола и Иоанна Малалы, Александрии и Истории Иудейской войны Иосифа Флавия;¹ 3) Русский «летописец» (посл. соб. 1213 г.); 4) «Соборъник» типа Изборника Святославова 1073 г., с добавлением впереди полемической статьи о латине и статьями церковно-юридическими; 5) болгарский перевод «Пчелы», сделанный по манере Евфимия Тырновского. Из этих статей сохранились лишь 2-я и 3-я, т. е. хронограф и русский «летописец», названный «Летописцем русских царей». Можно с достаточной вероятностью утверждать, что первоначальный сборник, которым воспользовалась Архивная рукопись, состоял из Толк. Апокалипсиса, Хронографа, Русского летописца и Соборъника, происходил из Галицко-Волынской области и относился ко 2-й половине XIII в.; веке же в XV к этим статьям была присоединена «Пчела». О Галицко-Волынском происхождении и о XIII в. этого сборника свидетельствует следующее. В той части Хронографа, где рассказ из хроники Малалы разрезывает XI главу книги Бытия, помещено сведение о литовских божествах с датой, которая объясняется как 1262 г.² Это сведение совпадает отчасти именами литовских божеств с заметкой, помещенной в Галицкой летописи под 1252 и 1258 гг. по Ипатьевскому списку“.³

478 (дважды), 481 (трижды), 483 (дважды), 486 (трижды) и т. д. В Ипатьевской летописи, очевидно, не без влияния хронографа, книжник Тимофей также называется „премудрый“ (Ипатьевск. лет. под 1205 г.). В употреблении этого термина в житии Александра Невского видим, следовательно, еще один пример влияния компилятивного хронографа типа Еллинского летописца с Малалой, как одной из главных его составных частей.

¹ На лл. 199—210 в Архивском хронографе имеется пятая книга Малалы с Троянской историей; на лл. 311—342 — Александрия; Повесть о разорении Иерусалима перемежается с выписками из Малалы. На лл. 280—281 дан рассказ о нашествии Сенахирима из хроники Амартола; на лл. 246—247 перечисляются храбрейшие из воинов Давида (из хроники Амартола). Кроме того, в Архивском хронографе имеются и те места Библии, с которыми сопоставляется житие Александра. Таким образом, основной круг литературных источников жития Александра Невского (за исключением повести о Девгении — о ней выше) в Архивском хронографе налицо.

² На л. 25 об. Архивского хронографа помещена статья „Оуказ же поганской прельсти сие, иже Совия богом нарицають“. В ней сказано, что от Авимелеха и Совья до сего лета, „в няже начахом писати книги сия“ — лет 3446. Считая по „Летописцу вскоре“ Никифора до Авимелеха 3324 г. получим 6770 (1261 или 1262) год.

³ Изв. ОРЯС АН, 1926, т. XXXI, стр. 95.

Особую важность для нас имеет определение состава того „Летописца“, который входил в этот галицко-волинский сборник второй половины XIII в. Летописец этот хорошо известен в научной литературе под названием „Летописца русских царей“ или „Летописца Переяславля Суздальского“ в издании кн. Оболенского.¹

Акад. А. С. Орлов так резюмирует данные о его происхождении: „Летописец русских царей“, известный пока в двух списках XV—XVI в., в Архивском (изд. кн. М. Оболенским в 1851 г.) и в дефектном Никифоровском (изд. С. Белокуровым в 1894 г.), судя по обоим спискам, начинался сокращенною Повестью временных лет, которая в Архивском соединена с выписками из Киевской летописи (XII в.) и с Суздальской летописью (кончена 1213 г.) в *Переяславской переделке* (курсив мой.—Д. Л.), а в Никифоровском — соединена с западно-русской летописью (сост. 1428—1430 г.)“.²

Итак, „Летописец русских царей“ представляет собою соединение южно-русской летописи и суздальской в переяславской обработке.

Надо, впрочем, отметить, что переяславец, составлявший „Летописец русских царей“, не был чужд культурных традиций юга. Сравним, например, употребление слова „царь“, „царствовать“ вместо „князь“, „княжити“,³ отразившееся в самом заглавии („Летописец русских царей“) и находящее себе аналогию в Галицкой летописи, где Роман называется „царем в Русской земли, иже покори Половецкую землю и воева на иные страны все“.⁴ Западные источники постоянно называют галицкого князя „rex Russiae“ еще до коронования Даниила, в отличие от князей других княжеств, которых титулуют обычно „dux“. Северо-восточные летописи никогда не называют русских князей царями.

Не лишним будет также отметить, что составитель „Летописца русских царей“ или переписчик его в протограф Архивского сборника не упустил из виду в своей работе предшествующий в сборнике компилятивный хронограф. Так, под 980 г. летописец сослался на переводчика Малалы или более обширных компиляций Григория: вместо „бе бо, рече, у Соломана“ (ср. в Лаврентьевской и с перестановкой слов в Ипатьевской) он вписал: „рече бо книга Царская Григорием мнихом о Соломоне“.⁵

Укажем также и на другие юго-западные элементы (как в языке, так и в содержании), подробно отмеченные выше в Летописце Пере-

¹ Летописец Переяславля Суздальского, составленный в начале XIII в. (между 1214 и 1219 гг.), издан М. А. Оболенским. М., 1851.

² „Общие по содержанию части Архивского и Никифоровского списков независимо восходят к одному общему оригиналу с юго-западными диалектическими чертами. Этот оригинал, судя по замене имени Печенегов и Половцев Татарами, восходил ко времени позже 1240 г. (см. опустошение последними Галицко-Волинских земель)“. *Примечание акад. А. С. Орлова*. — Цит. соч., стр. 94.

³ „И седе Олег княжа и царствоуа в Киеве“ (882 г.); „и поставил над собою царствовать“ (862 г.).

⁴ Ипатьев. лет., 1250 г. Ср. запись в синодике (Necrologium) монастыря Петра в Эрфурте: „Romanus rex Ruthenorum dedit nobis XXX marcas“ под датой смерти Романа 19 июня 1205 г. (М. С. Грушевский. История Украины-Руси, т. II, стр. 485, прим.). Или в хронике Оберика середины XIII в.: „Rex Russiae, Romanus nomine...“ (М. С. Грушевский, там же, т. III, стр. 507).

⁵ Имя Григория входит, как известно, в заглавие пятой книги Малалы Архивского хронографа: „Книгы завета божия Ветхаго, сказующе образы Новаго завета истинну соущу, преложенные от греческаго языка в словенский при князи блъгарстем Симеоне сыне Бориши Григорием презвитером мнихом, всех церквник блъгарских церкви повелением того книголюбца князя Семизона, истине ж рещи боголюбца“. — Летопись Историко-филологического общества при Новороссийском университете, XVI. Византийско-славянское отделение IX, Одесса, 1910, стр. 165. О том, кто был Григорий, см. В. М. Истрин. Александрия русских хронографов, М., 1893, стр. 354—355.

Ясавля Суздальского в статье А. С. Орлова (см. стр. 30). Факты эти безусловно утверждают составление Летописца Переяславля Суздальского южноруссом. В истории русского летописания, однако, не найдется случая, чтобы летопись, перенесенная в другую область, переписывалась и переделывалась в ней в отдельном виде без местных дополнений и продолжений. Поэтому вряд ли возможно предположить редактирование Летописца Переяславля Русского в Галицко-Волынской Руси. Предполагаем, что Летописец Переяславля Суздальского был поставлен рядом с юго-западным компилятивным хронографом и переработан летописцем южноруссом в том же Переяславле Суздальском. Это положение для нас прояснится, как только мы вспомним, что в Переяславле Суздальском, где после смерти Александра Невского жил великий князь владимирский Дмитрий, находился двор митрополита Кирилла, осуществлявший живую связь юго-западной Руси с северо-восточной.¹

В начале нашей работы мы упоминали о том, что в житии Александра Невского и в „Слове о погибели Русской земли“ отразился „Никифоров летописец вскоре“. Небезинтересно в связи с этим, что этот самый „Никифоров летописец вскоре“ в расширенной редакции (а в житии Александра и в „Слове о погибели“ отразилась именно расширенная редакция) читался перед тем же „Летописцем русских царей“.²

6

Житие Александра Невского давно привлекало внимание своею необычайною формою. По мнению С. М. Соловьева, оно не относится к литературе житий святых.³ В. О. Ключевский называл древнейшие жития Александра Невского „исключительным, своеобразным опытом жития, не повторившимся в агиобиографии“.⁴ Н. Серебрянский предполагал в основе жития Александра особую светскую повесть о „мужестве“ Александра,⁵ но не мог указать ей аналогичных.

Академик А. С. Орлов указал на южно-русскую литературную традицию в основе жития: „к числу Владимиро-суздальских произведений, писанных все еще в южно-русской манере, с привлечением книжных источников, популярных в Киевской Руси, относится светская биография

¹ На связь „Летописца русских царей“ с митрополичьим двором намекает также то обстоятельство, что в нем читаются два законодательных памятника: „Завет Володимиров о судех“ и „Суд Ярослава“, в которых перечисляются преступления, подлежащие суду духовному, а не гражданскому. Об интересе митрополита Кирилла к церковному законодательству вообще см.: Пл. Соклов, Русский архиерей из Византии. Киев, 1913, стр. 159—192.

² На лл. 478—480 Архивского сборника перед „Летописцем русских царей“ (начинающимся на л. 481) находится статья „Начало царства Константина града греческого“, содержащая список византийских императоров до первой половины X в. Статья эта представляет собой конец распространенной редакции „Никифорова летописца вскоре“. Помещение статьи из „Никифорова летописца вскоре“ перед Летописцем русских царей не является случайным: в полном виде распространенная редакция „Никифорова летописца вскоре“ читалась в прогографе Архивского сборника. Это явствует из того, что начало распространенной редакции „Никифорова летописца“ (обрывается на статье из Амартала „О Аврааме како позна искати бога“) находится в сборнике XV в., принадлежавшем Никифорову (БАН 45. 11. 16), и снова перед сохранившимся в нем началом „Летописца русских царей“ (лл. 211 об. — 225 об.). Кроме того, между распространенной редакцией „Никифорова летописца вскоре“ и „Летописцем русских царей“ наблюдается тесная связь (см. А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв., М.—Л., 1933, стр. 121).

³ Сборник „В. О. Ключевский, биографический очерк, речи и пр.“, М., 1914, стр. 67 („Диспут г. Ключевского“).

⁴ Там же, стр. 63.

⁵ Н. Серебрянский, стр. 200 и сл.

Александра Невского...¹ Уточнение южно-русской литературной традиции как галицко-волынской было сделано Н. К. Гудziem: „Некоторые стилистические приемы, особенно излюбленные в Галицко-Волынской летописи, — пишет Н. К. Гудзий, — найдем и в памятнике Суздальской Руси — житии Александра Невского (ср., например, выражение «в силе тяжьце», встречающееся в житии и излюбленное в Галицко-Волынской летописи; или слова митрополита Кирилла при погребении Александра: «Чада моя, разумеите, яко уже зайде солнце земли Суждальская», близкие к словам «лепших людей володимирских», сказанным ими при погребении Владимира Васильковича, в свою очередь всходящим к словам плача по Мстиславе Ростиславиче в Киевской летописи».²

Нам думается, что приведенные сопоставления и реальные исторические факты позволяют уточнить многие из наблюдений, сделанных исследователями (акад. А. С. Орловым, В. Мансиккой, Н. И. Серебрянским, Н. К. Гудziem и др.). Повидимому, прав Н. Серебрянский, предполагая в основе жития Александра светское жизнеописание. Правы также и те, кто указывали на южно-русскую литературную традицию в житии Александра. Эта южно-русская литературная традиция должна быть уточнена как галицкая: светское жизнеописание Александра Невского продолжало литературную традицию, отложившуюся в светском же жизнеописании Даниила Галицкого.

¹ А. С. Орлов. Курс лекций по древне-русской литературе. Л., 1939, стр. 127.

² История русской литературы, т. II, ч. 1, М.—Л., 1945, стр. 32.